

ГОРОД БЕЗ РАССВЕТА

ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Город без рассвета

<https://litres.ru/74613237>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Березовске объявили обычные учения и через несколько минут исчезло солнце.

Теперь за окраиной лежит незнакомая чёрная земля, дорога обрывается в темноте, а из пустых квартир доносятся голоса. Они знают имена жильцов, умеют просить о помощи и с каждой ночью всё лучше подражают тем, кому невозможно отказать.

Электрик Алексей Серов пытается сохранить свет в доме, ставшем последним убежищем для соседей и его сестры. Но запертые двери уже не защищают: по трубам ползёт тёплая белёсая плёнка, лестницы становятся длиннее, а погибшие просят впустить их домой.

Ключ к спасению скрыт под городом, в комплексе, где семнадцать лет назад погиб отец Алексея. Чтобы добраться туда, придётся оставить убежище и довериться человеку, который знал об опасности ещё до начала испытания.

Времени всё меньше, а людей в списке пропавших всё больше и когда из темноты снова прозвучит знакомое не оставляй меня, Алексею придётся решить, кого ещё можно спасти, и чьему голосу он больше никогда не ответит.

Содержание

Глава 1 Последний обычный день	4
Глава 2 В ожидании помощи	20
Глава 3 Человек из леса	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лоес Моррен

Город без рассвета

Глава 1 Последний обычный день

Трещина была свежей: в её глубине ещё белела штукатурка, а на крышке электрического щита лежала тонкая полоска пыли. Алексей провёл по ней большим пальцем и посмотрел вверх, туда, где вчера стена оставалась целой. Из щели тянуло слабым холодом, хотя за этой стеной находилась квартира, а не улица.

Он поставил сумку на подоконник, достал отвёртку и осторожно открыл щит. Старый автомат нагрелся, возле нижней клеммы почернела изоляция, но пахло почему-то мокрой землёй. Алексей наклонился ближе, принюхался и услышал за спиной осторожное постукивание палки.

Тамара Ильинична остановилась между третьим и четвёртым этажами с пакетом пустых бутылок в руке. После отключения лифта она выходила раз в два дня и объясняла каждому встречному, что колени у неё хорошие, а лестницу строили вредители. Сегодня она ничего не объясняла, только смотрела на открытый щит.

— Опять лампочка виновата, да? — спросила она. — Вчера мне по телефону сказали, что заявку закрыли, потому что

заменяли лампочку, а я по темноте спускалась и чуть шею не свернула. Ты уж скажи им, Алёша, чтобы в следующий раз хотя бы до нашего дома дошли, прежде чем закрывать.

— Лампочку они поменяли, только она от этого светиться не обязана, — ответил Алексей, проверяя напряжение. — Здесь контакт выгорел, сейчас подтяну, но автомат всё равно нужен новый. И за поручень держитесь, пожалуйста, потому что если вы упадёте, они заявку на поручень тоже закроют.

Он обесточил линию, зачистил повреждённый провод и затянул клемму. Когда автомат поднялся, лестничный свет мигнул несколько раз, а затем загорелся ровно, освещая чёрную полосу от давнего пожара на потолке. Тамара посмотрела на лампу с таким недоверием, словно та могла передумать.

— Вот теперь другое дело, — сказала она. — Тебе за этот провод хоть заплатят или опять скажут, что ты сам захотел сделать хорошо? Я ведь всё помню, Алёша, у меня с памятью пока лучше, чем у вашей конторы с деньгами.

— Заплатят за выезд, а провод я в машине нашёл, — сказал Алексей, складывая инструмент. — Если хотите помочь, позвоните ещё раз и скажите, что нужен автомат на замену. Только трещину не забудьте упомянуть, иначе её тоже сочтут моей инициативой.

Внизу заработал насос, и звук поднялся по лестничному пролёту тяжёлой низкой волной. Стёкла в дверце пожарного шкафа задребезжали, но знакомого плеска воды в стояке не было. Алексей подождал, прислушиваясь к промежуткам

между ударами: три коротких, пауза и ещё три, словно механизм пытался повернуть что-то слишком большое.

— Они же воду до двенадцати отключили, — сказала Тамара, не оборачиваясь к лестнице. — Насос сейчас зачем гонять, если задвижку перекрыли? В ту ночь он так же стучал, и мы с диспетчером всё ругались, кто должен людей будить.

Алексей не спросил, о какой ночи она говорит. Семнадцать лет назад этот дом ещё считался новым, лифт работал, а его отец уехал на полигон в шесть вечера и не вернулся. На похоронах начальник смены сказал «несчастный случай», причём произнёс это без паузы, как название должности.

— Тамара Ильинична, насос здесь другой уже лет десять, — сказал он. — Я после обеда посмотрю, а вы бутылки пока не таскайте, всё равно набрать негде. И если опять начнётся, сразу звоните мне, не ждите диспетчера.

Он записал время, сфотографировал трещину и помог ей донести пакет до квартиры. Она тихо поблагодарила и спросила, давно ли он был у Веры. Спускаясь, Алексей всё ещё слышал насос; громче всего звук оставался возле треснувшей стены.

На улице светило солнце, и холод лестницы показался следствием сквозняка. Возле мусорных баков дворник Лидия ругалась с собакой, а над лесом возвышалась водонапорная башня с рыжим баком. Алексей свернул к магазину за молоком для сестры и новым автоматом.

Над магазином висела вывеска «Продукты», под которой

Павел однажды предложил дописать «Пока есть». Виктор шутку запомнил и две недели продавал ему самые мятые пачки сигарет. Сегодня у входа обсуждали автобус, не пришедший в девять двадцать.

— До больницы запись на одиннадцать, а он опять не приехал, — говорила женщина в бордовом пальто. — Мне теперь что, записываться заново на ноябрь, потому что у них водитель заболел? Я звонила, там вообще сказали, что рейс отменён, а причина им неизвестна.

Алексей придержал дверь и вошёл в запах хлеба, картонных коробок и средства для мытья пола. У прилавка Павел выбирал между одинаковыми банками тушёнки с серьёзностью человека, решавшего, кому доверить управление машиной. Виктор за его спиной перекладывал накладные.

— Если ты ищешь ту, где мясо, тебе лучше к следующему магазину, — сказал Алексей. — Он у нас всего в восемнадцати километрах, так что до ужина успеешь. Заодно выяснишь, куда наш автобус делся.

— Мне Ольга велела взять ту, что в прошлый раз, — ответил Павел, показывая банки. — Я прошлый раз этикетку не ел, откуда мне знать, какая была? Лучше скажи, во сколько вечером идём на насосную, потому что я машину уже попросил оставить и теперь весь день за это слушаю.

— В шесть, если раньше не развалится, — сказал Алексей и повернулся к Виктору. — У тебя в ящике под кассой автомат на шестнадцать ампер лежал, я бы взял для четвёрто-

го подъезда. И за проводку на складе ты собирался со мной рассчитаться ещё во вторник, сегодня уже можно или снова не тот день?

— Я тебе сказал, как поставщик деньги проведёт, сразу отдам, — ответил он. — Машина не пришла, с бухгалтерией связь через раз, а ты при покупателях мне устраиваешь представление. Работу я принял и не отказываюсь, только денег у меня от разговоров больше не станет.

— Когда на складе дым пошёл, у тебя нашлось время мне позвонить в половине второго ночи, — сказал Алексей. — Я пришёл, потому что над ним люди спят, а не потому что твою колбасу жалко. Если ты не можешь всю сумму, отдай часть и назови день, чтобы я не спрашивал каждый раз у твоей кассы.

— Виктор, отдай ему автомат, пока он вам всем состав колбасы не зачитал, — сказал Павел. — Я свою куплю, даже если там главным образом воспоминания о корове, мне с Ольгой ещё жить. А деньги вы вечером обсудите, у нас как раз насос будет шуметь и никто ничего не услышит.

В очереди заговорили о ночных фурах без опознавательных знаков возле лесной дороги. Женщина в бордовом пальто сказала, что соседский племянник из охраны просил не ездить сегодня к посёлку, но объяснять отказался. Виктор велел не повторять сплетни и перевернул накладную чистой стороной вверх.

У складской двери Алексей заметил четыре новых аккумуля-

мулятора в заводском полиэтилене. В Березовске люди покупали такие по одному и обычно после долгого спора о цене, а здесь ещё стоял ящик с клеммами и толстым кабелем. На коробке была приклеена бумажка с номером телефона и короткой записью: «резерв до запуска».

— Для ваших холодильников? — спросил он, указывая подбородком. — Если собираешься сам подключать, лучше подожди, у тебя там проводка новая, но не под такую нагрузку. Можно устроить себе второй ночной ремонт, я в этот раз быстро не прибегу.

— Это не мои, человек с полигона заказал через знакомого, — сказал Виктор. — Забрать должны были утром, только всё ещё не приехали, а мне место занимают. И автомат возьми, лежит в том же ящике, деньги за работу вечером принесу.

Виктор отсчитал часть долга из отдельной пачки и убрал её, оглянувшись на очередь. Павел купил обе банки, а Алексей взял молоко, хлеб, яблоки и автомат. На витрине остались две пачки сахара; остальные Виктор унёс в подсобку.

У входа Павел предложил подвезти его к Вере, но Алексей отказался: идти было пять минут. Друг напомнил про насосную и хлопнул его по плечу, оставив белый след от коробки. Алексей стёр его ладонью и пошёл между домами.

Вера впустила его, придерживая подбородком телефон, и указала на кухню. На столе стояла недопитая чашка, возле которой сохли очки. Пока сестра объясняла кому-то, где ле-

жат бинты, Алексей убрал молоко в холодильник и заметил потемневшую розетку у лампы.

— Только не говори, что это было давно и больше не повторяется, — сказал он, когда сестра закончила звонок. — Здесь вилка плавилась, её надо менять вместе с розеткой. Если оставить как есть, в один прекрасный день твоя лампа закончит смену раньше тебя.

— Я выдернула её сразу, как почувствовала запах, — ответила Вера. — Сегодня хотела тебе позвонить, но у тебя обычно или руки заняты, или ты на лестнице, или ты считаешь, что я мешаю тебе спасти чужой холодильник. Садись сначала и поешь, я разогрею картошку, а потом можешь отчитывать меня сколько хочешь.

— Ты спала сегодня? — спросил Алексей. — Только не надо говорить, что в машине между вызовами, это не считается. Если тебя опять ставят после ночной, я могу сам поговорить с заведующей.

— Я сегодня подменяю Люду на четыре часа, а не на сутки, — сказала Вера. — И с заведующей поговорю без старшего брата, который приходит жаловаться, что его маленькую сестру обижают. Мне двадцать девять, Лёша, ты можешь время от времени вспоминать эту цифру.

Он отключил квартирный автомат и вытащил розетку с ослабленным контактом. Здесь можно было назвать причину, исправить её и проверить результат, и от этой простоты стало легче. Вера поставила рядом тарелку картошки, пока

он доставал новую розетку и менял повреждённую вилку.

— Я помню, сколько тебе лет, — сказал он. — Просто когда у тебя телефон недоступен после смены, я думаю не о цифре. И очки запасные заberi наконец, они у меня в ящике лежат, а ты потом опять будешь щуриться над чужими рецептами.

— Пусть пока лежат, у тебя я их хотя бы не потеряю, — ответила Вера, убирая со стола. — Лучше ты свои вещи разложи, когда-нибудь человек к тебе придёт и решит, что квартира освобождена под аварийный склад. Ты ведь кроме работы никуда не ходишь, даже к Пашке с Ольгой в воскресенье не пришёл.

— Я не хочу тебя куда-то устраивать и знакомить с кем-нибудь насильно, — сказала Вера, отставляя его тарелку. — Мне просто кажется, ты всё ещё живёшь в том месяце, когда нам позвонили с полигона. Будто если ты начнёшь хотеть чего-нибудь для себя, то признаешь, что всё закончилось и можно забыть.

— Я его не забываю, — ответил Алексей, вернувшись к розетке. — Только мне не надо каждый день доказывать, что я помню, и тебе не надо. Мы жили после этого семнадцать лет, а сейчас разговариваем так, будто я всё это время просидел возле телефона.

Она замолчала, и Алексей понял, что его резкость ничего не исправила. Он закончил соединение и попросил принести коробку с мелочами из комода. После смерти матери

они складывали туда всё, что не сумели выбросить: пуговицы, ненужные ключи и отцовский пропуск.

Нужный винт лежал под пропуском, и Алексей поднял их вместе. На фотографии отец был моложе, чем он сейчас, с выражением человека, которому за секунду до вспышки запретили улыбаться. В обложке сохранилась полоска бумаги с записью его почерком: «Совместимость не подтверждает тождество».

— На работе, наверное, запомнить надо было, — сказал Алексей и вложил пропуск обратно. — Или слова для экзамена, у них там каждый год что-нибудь проверяли. Держи коробку, я закончил, можно включать, только пальцами в розетку не лезь, чтобы доказать свою взрослость.

Лампа загорелась, положив жёлтый круг на газету. Алексей доедал картошку, пока сестра собиралась и искала бейдж, оказавшийся у неё на груди под кофтой. Она подошла к двери, когда снаружи щёлкнуло и стекло в шкафу дрогнуло от низкого хрипа.

Громкоговоритель висел на столбе у бывшей котельной с тех пор, как Алексей себя помнил. В детстве из него передавали поздравления к Девятому мая, позже он молчал, собирая в раскрытый рупор снег и птичий помёт. Теперь по двору прошёл сухой треск, и вслед за ним заговорил мужчина с ровным, тщательно отдельным произношением.

— Внимание, жители Березовска, на территории испытательного комплекса проводятся плановые учения. До по-

лучения дополнительного сообщения просьба оставаться по месту проживания и не приближаться к оконным проёмам. Сохраняйте спокойствие и не препятствуйте работе специальных служб.

Вера достала телефон и набрала медпункт, не снимая куртки. В первый раз вызов сбросился, во второй вместо гудков зашуршали помехи, а на третий ответила женщина, говорившая одновременно с кем-то другим. Вера успела сообщить, что задержится, но не поняла, услышали ли её, и стала набирать снова.

— Подожди здесь, я в подъезд выйду, — сказал Алексей, забирая сумку. — Если это электрическое, лучше сейчас посмотреть, пока кто-нибудь сам не полез отключать всё подряд. Телефон на зарядку поставь, у тебя двадцать процентов, а дома есть куда включить.

На площадке Алексей остановился у щитовой двери, за которой чувствовалась вибрация. Снизу поднимался Николай Михайлович из двадцать первой квартиры с домашними тапочками в руках. Он тоже остановился, переводя взгляд с двери на Алексея.

— Я из магазина возвращаюсь, а тут говорят к окнам не подходить, — сказал он, указывая тапочками куда-то вверх. — На полигоне что-нибудь жечь собрались, что ли, или опять воздух мерить будут? У меня кошка на подоконнике лежит, я её теперь тоже должен предупредить, чтобы специальным службам не мешала?

— Лучше пока снимите её оттуда, — сказал Алексей, касаясь тыльной стороной пальцев двери. — Я сам не знаю, что они делают, но открытые окна можно закрыть без ущерба для вашей кошки. И на площадке не стойте, здесь какая-то вибрация пошла, хочу выяснить откуда.

Этажом выше женщина в халате требовала сказать, когда дадут воду. Её сын снимал двор через лестничное окно и радовался, что наконец будет что выложить кроме собак и горящего мусора. Алексей попросил отойти, но тот только повернул голову.

Три коротких удара, пауза и ещё три пришли через закрытую дверь. Насос находился в другой части подвала, и повторение звука заставило Алексея вспомнить холод из трещины. Он набрал Павла, но вместо гудков получил сообщение о неудаче.

В окне была видна крыша его собственного дома. Старая антенна, которую он считал мёртвой, оказалась обмотана новым кабелем, а на нижнем кольце мигал зелёный огонёк. У подъезда стояла серая служебная машина без переднего номера.

Пол качнулся, и лестничное окно с жалобным звоном ударилось рамой о стену. Под ногами Николая Михайловича треснула плитка, а мальчишка наверху вскрикнул, хотя телефон всё ещё держал перед лицом. Алексей схватился за поручень, увидел над лесом тонкую светлую дугу и понял, что она поднимается слишком быстро для дыма.

Из квартиры позвала Вера, но её голос сначала пришёл к нему будто с нижнего этажа. Алексей повернулся, и на мгновение коридор показался длиннее, чем был при выходе, а дверь сестры стояла в самом его конце. Он моргнул, расстояние стало прежним, и он бросился обратно, не дожидаясь следующего толчка.

Вера находилась на кухне, держа телефон возле уха, хотя разговор уже оборвался. Она смотрела в окно, за которым светлая дуга превратилась в высокую стену с едва заметной кривизной; нижний её край шёл через дальний лес. Внутри стены двигались тонкие тёмные полосы, и Алексей не сразу понял, почему не может отвести от них глаза.

— Отойди от окна, — сказал он, хватая сестру за рукав. — Вера, я тебе не про учения сейчас, просто отойди сюда. Там стекло ходит, ты разве не видишь, что с рамой происходит?

Она позволила отвести себя на шаг, но свет уже наполнил кухню, не оставив теней даже под столом. Рама была прямой, а стекло в ней медленно прогибалось внутрь, и отражение лампы плыло по выгнутой поверхности. Алексей увидел собственное лицо, растянутое так, что один глаз оказался ниже другого, и рывком притянул Веру к себе.

Край купола прошёл через соседний дом без звука. На секунду стали видны внутренние стены, проёмы дверей и человек в ванной комнате, стоявший с поднятой зубной щёткой; потом всё снова закрыл кирпич. Свет не приближался к кухне, а появлялся в каждом предмете сразу, обнаруживая

тонкие неправильные контуры внутри привычной формы.

На стене возле холодильника возник силуэт Веры, смещённый в сторону двери. Сестра уже стояла у груди Алексея, а силуэт всё ещё держал руку возле уха, потом медленно опустил её. Алексей услышал собственный вдох раньше, чем почувствовал воздух в лёгких, и в этот миг перестал понимать, где кончается его тело.

Он успел подумать об отцовском почерке на полоске бумаги, но мысль не сложилась в слова. В кухонном шкафу дрогнула посуда, из розетки вылетела синяя искра, а принесённая им сумка с инструментами упала на пол. Потом всё исчезло, и темнота оказалась такой полной, что Алексей не сразу понял, открыты у него глаза или закрыты.

— Лёша, отпусти немного, ты мне больно делаешь, — сказала Вера. — Я здесь, слышишь, я никуда не ушла. У меня телефон в руке, сейчас включу свет, только перестань так сильно держать.

Он разжал пальцы, и между ними вспыхнул телефонный фонарь. Луч выхватил лицо Веры, грязный след на рукаве и рассыпанные яблоки. Одно докатилось до стены и остановилось возле новой розетки.

За окном не было ни солнца, ни освещённого края неба. Алексей посмотрел на часы над плитой: двенадцать сорок семь, секундная стрелка продолжала двигаться. Вера спросила, что произошло, и он ответил, что не знает, впервые не добавив ничего, что сделало бы незнание менее страшным.

С лестницы донёсся тяжёлый удар, затем короткий стон. Вера сразу повернула луч к двери, спросила, есть ли у него рабочий фонарь, и уже через секунду полезла в свою сумку за перчатками. Алексей поднял инструмент с пола, включил фонарь и вышел вслед за ней, держась близко, чтобы не потерять сестру даже на несколько шагов.

Николай Михайлович лежал на площадке у разбитого края ступеньки, прижимая руку к виску. Один тапочек находился возле его головы, второй застрял между прутьями ограждения, а по пыльному полу медленно растекалась кровь. Вера опустилась рядом, попросила его не двигаться и начала задавать вопросы таким голосом, будто вокруг оставалась обычная лестница обычного дома.

— Голову пока не поднимайте, я посмотрю, где вы ударились, — сказала она, разрывая упаковку салфеток. — Скажите мне своё имя полностью и помните ли вы, как оказались здесь. Только не торопитесь вставать, даже если кажется, что всё уже прошло.

— Николай Михайлович Ершов, я домой шёл, — ответил сосед, тяжело сглатывая. — Лампочка погасла, и я ступеньку не увидел, а потом будто толкнуло сзади. Только не говорите моей Нине, что я тапки растерял, она всё утро объясняла, зачем надо было пакет взять.

Двери открывались одна за другой, и по этажам пошли голоса. Женщина в халате звала сына, который пытался отправить снятое видео. Алексей попросил освободить площад-

ку и принести стул, но пришлось повторить: каждый слушал собственный страх.

Вера проверила зрачки Николая Михайловича и попросила соседку побыть с ним до возвращения жены. Кровотечение остановилось, но перемещать его она не хотела, а дозволиться в медпункт не удавалось. Решив найти машину, они спустились, ещё раз запретив соседу вставать.

Во дворе уже горели фонари телефонов, беспорядочно выхватывая лица из темноты. Возле качелей плакал мальчик без куртки, Лидия держала его за плечи и спрашивала, из какой он квартиры, а собака лежала под скамейкой, плотно прижав живот к земле. От магазина доносились голоса, но громкоговоритель молчал, словно закончил свою работу и больше ничего людям не задолжал.

Алексей посветил на подъезд, помогая Вере сориентироваться. За окнами двигались фонари, и он ощутил благодарность за то, что там ещё были люди. Сестра взяла его за запястье и тихо спросила, куда делась башня.

Он посмотрел поверх крыш в сторону леса, где рыжий бак был виден с детства при любой погоде. Теперь там стояло что-то высокое, почти сливавшееся с небом, и нижняя его часть уходила в чёрную полосу деревьев; Алексей сперва решил, что башню наклонило ударом. Но верхняя часть медленно сместилась вправо, затем чуть опустилась, словно огромная голова повернулась, чтобы рассмотреть двор.

Вера не отпускала его запястье, и он чувствовал её пальцы

сквозь рукав. Вдалеке из темноты пришёл негромкий протяжный звук, похожий на скрип металла, который заставляют гнуться медленно, не ломая. Алексей посмотрел на молчащий громкоговоритель и понял, что больше не ждёт окончания учений.

Глава 2 В ожидании помощи

Вера убрала руку с его запястья, ещё немного посмотрела поверх крыш и попросила посветить под ноги. Они пошли к магазину, откуда доносились голоса. Алексей старался не оборачиваться: ему казалось, ещё один взгляд заставит называть увиденное.

Возле магазина собрались человек сорок, и фонари мешали больше, чем помогали. Люди светили друг другу в лица, отступали, наступали на ноги и сердились. На ступеньках сидела женщина с окровавленной ладонью; её муж повторял, что стекло рассыпалось само.

Дроздов стоял у двери с блокнотом и телефоном в руках. Без привычной фуражки он выглядел почти домашним, и это почему-то тревожило. Рядом Виктор удерживал дверь плечом, объясняя, что холодильники стоят и он не может продавать испорченные продукты.

— От двери отойдите, здесь раненые сидят, — сказал Дроздов, убирая телефон. — Виктор откроет, когда мы освободим ступеньки, а пока никто внутрь всей толпой не полезет. Кто умеет перевязывать, подойдите к Вере Серовой, остальным просьба не светить людям в глаза.

Алексей нашёл Павла возле аварийной машины управляющей организации. На капоте лежал приёмник, выдававший обрывки объявления об учениях; Павел поворачивал ручку

настройки и замирал. Между словами шуршало, словно кто-то двигал сухие листья, и Павел дважды кашлянул, не отрываясь от настройки.

— Ольга дома, я её проверил, а сюда уже потом поехал, — сказал Павел, отвечая на его взгляд. — Связи нет нигде, даже диспетчерский телефон глухой, только здесь кто-то всё ещё просит сохранять спокойствие. Ты посмотрел в сторону леса или мне одному так повезло?

— Посмотрел, но пока ничего сказать не могу, — ответил Алексей. — В восьмом доме генератор есть, помнишь, после пожара оставили, можно хотя бы подъезды осветить. Если найдём топливо и отключим ввод от общей сети, людям будет куда вернуться.

В подвал их впустила Лидия, у которой был ключ от решётки. Алексей проверил запылённый генератор: аккумулятор сохранил заряд, рядом стояла запечатанная канистра. Запах ржавчины и ветоши показался приятным после внезапного холода во дворе.

Павел держал фонарь, пока Алексей проверял соединения и отключал общий ввод. Генератор завёлся со второй попытки и забился в раме. С каждым ровным тактом Алексей чувствовал, что дышать становится легче.

Лампы загорелись в трёх подъездах, ожил светильник над служебной дверью. Кто-то закричал, что электричество дали, и люди захлопали, хотя за светлым пятачком ничего не изменилось. Алексей оставил на щите предупреждение, а

Павел пошёл объяснить, какие приборы нельзя включать.

Дроздов встретил их с двумя мужчинами. Борис возил школьников в район, Артём доставлял заказы на старой «Ниве». Они согласились доехать до поворота на соседний посёлок и выяснить, почему никто не отвечает по телефону.

— До километрового столба и обратно, дальше пока не надо, — сказал Дроздов, записывая время. — Если дорога разбита или что-то лежит поперёк, разворачиваетесь, мы пешком потом проверим. И не решайте по дороге, что вы сейчас до больницы всех довезёте, сначала мне скажете, можно ли вообще проехать.

— Там прямая, Сергей, мы её с закрытыми глазами знаем, — ответил Борис. — Если просто провода упали, увидим и назад вернёмся, никто геройствовать не собирается. Только до магазина машину подгоним, у Артёма фонарик на ключах и тот еле горит.

Алексей отдал им запасной фонарь, и Артём закрепил его под лобовым стеклом. Приёмник Дроздов оставил на площади на случай новых сообщений. За освещённым подъездом Алексей не смог найти белый знак полигона, стоявший там много лет.

До выезда они дошли вчетвером. Артём проверял шины, Борис натягивал светоотражающий жилет, из-под капота пахло горячим маслом. Это походило на обычную поездку, и Алексей чуть не попросил привезти из посёлка нормального кофе.

— Если остановитесь, два раза мигните фонарём, мы вас здесь увидим, — сказал Павел, передавая Борису запасные батарейки. — Один длинный сигнал, если нужна помощь, только далеко не уходите от машины. И на обратном пути не давите на газ, тут люди будут бродить, все сейчас ищут друг друга.

Алексей отступил от машины, которую почему-то не хотелось выпускать из света. Мужчины закрыли двери, и красные огни медленно двинулись от них. На секунду фары выхватили перекошенную остановку без стекла.

Машина ехала медленно, и Павел следил за ней с поднятым фонарём. На секунду луч фар прошёл по деревьям, будто дорога повернула вправо, затем красные точки сблизились и исчезли. Двигатель ещё слышался, но звук стал глухим и отдалённым, словно «Нива» въехала в длинный крытый гараж.

— Они зачем свернули? — спросил Павел. — Там до столба сворачивать некуда, разве что прямо в канаву. Лёша, посвети туда, я своих фар отсюда не вижу.

Алексей поднял фонарь, но луч закончился раньше, чем должен был. Виднелся мокрый асфальт, хотя дождя не было, а дальше лежало серое пятно. Они позвали мужчин, и последняя часть Борисова имени вернулась слишком отчётливо для такого расстояния.

Павел сделал шаг вперёд, и Алексей схватил его за рукав. Он не сумел бы объяснить, почему нельзя идти, но теперь

никакая проверка до километрового столба не казалась простой. В темноте стукнуло, затем заскрежетало, словно по асфальту протащили незакреплённую металлическую деталь.

Колесо появилось сбоку от дороги, медленно перекатилось через полосу травы и выпрямилось. К нему был привязан светоотражающий жилет, который хлопал по резине при каждом обороте; Алексей узнал тёмную заплату на Борисовом кармане. Колесо докатилось до его ботинка, ударилось краем и легло плашмя.

На шине белели полосы налёта, из отверстий диска тянулась влажная масса. Павел едва слышно произнёс имя Бориса. Ему не ответили, хотя ещё несколько минут назад жилет шевелился на живом человеке.

— Это запаска, она у него на задней двери висела, — сказал Алексей. — Они могли снять её и послать нам, чтобы показать, где остановились. Только сейчас сами туда не пойдём, сперва приведём Дроздова, иначе он получит ещё двух пропавших.

Он понимал, что объяснение не годится даже для него самого. Колесо пришло справа, машина исчезла впереди, а рукав жилета врезался в резину, будто застрял в ней при изготовлении. Павел присел и сразу отнял руку от обода.

— Тёплое, как батарея в квартире, — сказал он, вытирая пальцы о куртку. — Запаска так нагреться не могла, она ведь по дороге не ехала. Ты только подумай, как они успели её снять и зачем им было молчать, если мы здесь стоим.

Дроздов пришёл с тремя мужчинами и запретил приближаться к тёмной кромке. Он долго светил на колесо, звал Бориса и Артёма, всякий раз ожидая ответа. Потом потребовал перчатки и мешок, не позволяя называть жилет доказательством смерти.

— Мы их не видели после выезда, значит, и рассказов о том, что с ними сделали, пока не будет, — сказал участковый. — Колесо заберём, здесь оставим дежурных, а по одному никто на дорогу не выходит. Если они подадут сигнал, разбудите меня сразу, но без сигнала ещё одну машину я туда не отправлю.

Тамара принесла пустую банку для образца. Алексей снял щепкой налёт с протектора, чувствуя тепло даже через стекло. Масса расправилась на дне, затем стянулась к тому месту, где он держал пальцы.

Участковый назначил дежурных на выезде, а Павел пошёл проверить Ольгу. Алексей отнёс банку в служебный кабинет управляющей организации, от которого у него был ключ. Только там он заметил, что руки пахнут землёй.

Вера переносила туда перевязочные материалы и освобождала стол. Соседи привели Николая Михайловича, жаловавшегося на тошноту; сестра решила оставить его под наблюдением. На полу появились одеяла, а возле батареи заснул ребёнок, не сняв ботинок.

— Принеси воды и всё, что в машине есть для аптечки, — сказала Вера, не поднимая головы от повязки. — Здесь

хотя бы свет рядом и вход без лестницы, Люда до нас пока не добралась. Только эту твою банку убери со стола, мне рядом с людьми неизвестная гадость не нужна.

Алексей убрал банку в кладовую и помог подключить освещение кабинета через удлинитель. Снаружи Павел объяснял, почему нельзя включать всю домашнюю технику. В окнах загорались лампы, и дома выглядели очень маленькими посреди чего-то огромного.

Тамара принесла тетрадь, прежде служившую для записи показаний счётчиков. Они отметили квартиры одиноких людей и тех, кто уже пришёл к магазину. Возле фамилии Ершовых Алексей поставил галочку, возле имён уехавших мужчин оставил пустое место.

— Клавдия со второго этажа сама не спустится, у неё после операции нога, — сказала Тамара. — И к Валентине Николаевне зайди, она всё время телевизор слушает и могла объявления не расслышать. Если дверь сразу не откроют, ты ещё раз постучи, они молодым быстро отвечают, а старым надо сначала с кровати встать.

Они обходили подъезды вместе с Павлом, который вернулся, убедившись, что Ольга пока не хочет уходить из квартиры. Люди спрашивали, можно ли включить чайник, сколько осталось топлива и не станет ли хуже от лампочки на кухне. Алексей отвечал на то, что знал, и всё чаще слышал собственный голос таким же ровным, как голос из громкоговорителя.

На пятом этаже Валентина Николаевна открыла после третьего стука. Она стояла в пальто поверх ночной рубашки и сказала, что приготовилась, только ей не объяснили, куда идти. Павел сел на табурет и рассказал про Веру и кабинет, не обещая, что всё скоро закончится.

На следующем этаже за дверью пустовавшей квартиры работал телевизор. Алексей остановился, узнавая интонацию ведущей новостей и надеясь, что связь восстановилась. Но над замком сохранилась бумажная полоска с подписью наследницы, а под дверью лежала пыль.

Эту квартиру он отключал сам, прежде чем родственники увезли мебель. В щите стоял опущенный автомат, питающий провод оставался под защитным колпачком. Алексей проверил всё ещё раз, хотя уже не мог объяснить голос ошибкой памяти.

Голос ведущей на мгновение стал отчётливым, будто кто-то поднял громкость. Она сообщила, что запланированное испытание на полигоне возле Березовска отменено по техническим причинам, после чего поблагодарила жителей за понимание. В следующую секунду слова растянулись и ушли в помехи, оставив один высокий тон, от которого заболели зубы.

Алексей постучал и попросил открыть. Никто не ответил, бумажная полоска оставалась целой, и трудно было представить, что родственница хозяина сидит внутри. Прежде чем привести Дроздова, они проверили соседнюю стену: звук

шёл из запертой квартиры.

Участковый пришёл через двадцать минут. Звук пропал, на стук никто не отвечал, и Дроздов решил пока не ломать замок. Он записал услышанное и оставил ключ от подъезда дежурному на случай повторения.

К девяти вечера Вера попросила не приводить к ней всех подряд с вопросами про солнце. Алексей принёс бутерброды, поставил телефон заряжаться и сел возле кладовой. За дверью, где стояла банка, шуршало, но стоило приблизиться, и звук прекращался.

Он дремал над сложенной курткой, вздрагивал от шагов, снова засыпал и окончательно проснулся, когда начали искать потерянный ингалятор. В комнате было душно, мужчина на одеяле дышал с коротким свистом, а Вера просила его не пытаться разговаривать. Алексей поднялся, вынес стул в коридор и лишь потом посмотрел на часы: половина девятого утра.

Сон не дал отдыха или ощущения прошедшей ночи. На улице давно должно было светать, но за окном оставалась чернота, в которой луч не обнаруживал даже облаков. Алексей подумал, что если остановятся часы, будет трудно понять, где кончается один день и начинается другой.

— Ещё хоть час поспи, я тебя разбужу, если понадобится, — сказала Вера, выходя к нему. — У него лекарство нашлось, сейчас станет легче, и мне для этого не нужен второй человек, который падает с ног. Только не уходи на улицу

один, я не хочу искать ещё и тебя.

— Я к Виктору схожу, у него за магазином термосы были, возьму один для кипятка, — ответил Алексей. — Вернусь и лягу нормально, здесь на стуле всё равно голова к стене падает. А ты хотя бы этот бутерброд доешь, он с вечера лежит и к утру лучше не станет.

Вера коснулась его лба и сразу убрала руку. Алексей хотел сказать, что сам помнит, как проверять температуру, но только застегнул куртку. Возле входа спал Павел; он разбудил друга и предложил пройти к магазину.

Павел собирался домой, где Ольга оставалась одна. У ступеней они встретили Дроздова с мужчиной в спортивной шапочке, уверявшим, что темнота вызвана ядовитым облаком. Участковый прижимал блокнот к груди и слушал, будто они обсуждали обычную погоду.

— Вещества распылили, может, глаза так реагируют, — говорил мужчина. — А нас закрыли здесь, чтобы не разнести, вот и автобуса нет, и полиция с района не едет. Ты вызови кого-нибудь, пусть приезжают с приборами, я же не говорю, что всё придумал.

Алексей спросил, почему вещество включило телевизор в отключённой квартире. Мужчина ответил, что не специалист и не обязан объяснять каждую мелочь. Дроздов попросил не спорить возле медпункта, и они пошли дальше, не получив оснований для надежды.

Магазин освещали две лампы от отдельного генератора.

На прилавке стоял таз с упаковками молока, из холодильника тянуло кислым запахом. Виктор швырял продукты в мешок с таким видом, словно это они во всём виноваты.

— Холодильник после толчка не запустился, я только ночью увидел, — сказал он, заметив взгляд Алексея. — Всё, что рядом с мотором лежало, тёплое, продавать не буду и бесплатно не отдам. А хлеб теперь по одной буханке, вчера за час вынесли столько, сколько обычно за два дня берут.

— Для больных запас отложи и воду не прячь под чужие коробки, — сказал вошедший следом Дроздов. — Я утром людей приведу, посчитаем, что есть, чтобы потом не оказалось, что каждый думает только про свой шкаф. Никто твой магазин забирать не собирается, но и все деньги города тебе сейчас не помогут.

Виктор спросил, есть ли сведения о машине, и после ответа Павла замер с упаковкой в руке. Алексей получил термос и хлеб для Веры. Запах еды сменился кислым запахом, и это оказалось страшнее пустых полок.

На выходе из магазина Павел свернул к своему подъезду, а Алексей остановился поправить лямку сумки. Из узкого прохода между стеной и закрытым киоском донеслось сухое покашливание, два коротких звука подряд, затем тяжёлый вдох. Так отец прочищал горло, прежде чем сказать что-нибудь неприятное или попросить сына убрать с прохода велосипед.

Алексей повернулся, успев подумать, что память разыгра-

ла его после разговоров о полигоне. За киоском было темно, и фонарь показал только лист железа, прислонённый к стене, и пустую пластиковую корзину. Кашель повторился, на этот раз чуть тише, а вдох после него оборвался, будто человеку забыли дать время набрать воздух.

Он вспомнил, как несколько лет назад показывал Павлу, каким суровым голосом отец требовал держать инструмент на месте. Паша тогда смеялся, а Алексей сам воспроизвёл этот кашель и сказал, что даже услышать его из соседней комнаты было достаточно, чтобы начать собирать разбросанные ключи. Теперь тот же звук пришёл из прохода ещё раз, точно с такой же паузой.

— Лёша, ты идёшь или термос уже потерял? — позвал Павел от подъезда. — Ольга чай поставит, попьём и Вере кипяток отнесём, я её вчера почти не видел. Только фонарь от окна убери, там старушка напротив всю ночь жалуется, что мы ей спать мешаем.

Алексей отошёл от киоска, заставляя себя смотреть на освещённые ступени. Он хотел рассказать другу, что услышал, но страх на мгновение стал слишком личным, чтобы выносить его на разговор. Уже в подъезде он спросил Павла, не видел ли тот на улице человека с сильным кашлем, и получил короткое отрицание.

Ольга открыла сразу, хотя Павел держал ключи в руке. Она обняла мужа без приветствия, а затем пошла за чашками. На кухне горела лампа, чайник грели на газовой плитке,

и аккуратный порядок казался попыткой сохранить квартиру место в мире.

— Я ночью из коридора шаги слышала, — сказала Ольга, ставя перед ними хлеб. — Вышла посмотреть, никого, потом снова слышу, как будто кто-то до двери дошёл и обратно пошёл. Хотела тебе позвонить, но на мобильном даже вызов не начинался, а домашний молчит, трубку снимала раз десять.

— Дроздов дежурных поставил, могли они ходить, — ответил Павел, обхватывая чашку ладонями. — Я сейчас посплю час и опять к Лёше пойду, а ты к Вере загляни, если не хочешь одна сидеть. Только дверь незнакомым не открывай, люди пока нервные, ещё сами не знают, куда идут.

Телефон зазвонил, когда Ольга потянулась за сахарницей. Чашка дрогнула, но все замерли, ожидая второго звонка. Аппарат висел в коридоре, и его короткий провод заставлял говорящего стоять лицом к стене.

— Заработал, — сказала Ольга, не сразу веря собственному голосу. — Я маме тогда наберу, она же там места себе не находит, если до нас не дозвонилась. Ты только чай не допивай без меня, я быстро узнаю, кто звонит.

Она сняла трубку, коротко ответила и позвала мужа. Павел поднялся, не выпуская чашку, Алексей пошёл следом. Ольга прижимала трубку к груди, словно не хотела услышать больше ни слова.

— Там ты, — сказала она, глядя на Павла. — Говоришь, что стоишь внизу и ключи забыл, просишь открыть дверь в

подъезд. Я спросила, откуда звонишь, а ты опять сказал про ключи, только это ведь не ты.

Павел забрал трубку, Алексей приблизился послушать. Голос принадлежал другу, но звучал так, будто тот набирал слишком много воздуха после пробежки. На фоне шуршания он снова попросил открыть подъезд.

— Оля, я ключи потерял, спустись сюда и открой, — сказал голос. — Я внизу стою, здесь холодно, давай быстрее. Только дверь открой, я ключи потерял.

Ольга смотрела на мужа, а тот молчал, прижав трубку так сильно, что побелели костяшки. Голос ещё раз повторил просьбу и кашлянул: два коротких звука, затем тяжёлый вдох, который Алексей слышал совсем недавно возле киоска. Павел поднял на него глаза, и в этом взгляде уже не было вопроса о том, что считать нормальным.

— Где твоя машина стоит? — спросил Павел в трубку. — Если ты внизу, скажи, возле какого подъезда, их здесь четыре. И зачем ты мне звонишь, если я тебя сейчас слышу из своей квартиры?

В ответ зашуршало, затем голос произнёс Ольгино имя. Ударение было правильным, но привычная ласка исчезла, словно слово отделилось от всего остального. Ольга спросила имя своей матери, а голос повторил просьбу с той же паузой перед словом «холодно».

В соседней двери показалась женщина в вязаной кофте. Она слышала звонок и хотела сообщить сыну, что жива.

Алексей попросил её не выходить и заметил другого соседа, направлявшегося к лестнице с ключами.

— Внизу человек просит открыть, я через окно слышал, — сказал сосед, раздражённо оглядываясь. — Вы здесь все стоите, обсуждаете, а он, может, после землетрясения раненый и подняться не может. Хоть дверь-то ему можно открыть, мы что, теперь людей на улице бросать будем?

Алексей загородил дорогу, сказав, что внизу называют себя Павлом. Сосед замер, увидев друга с трубкой в дверях; провод не пускал его дальше порога. Ольга повторила вопрос, а всем слышный голос попросил открыть подъезд.

Снизу по подъездной двери прошёл скрежет, медленный и неровный. Он повторился выше, затем стал короче, словно кто-то искал на металлическом листе место, куда можно упереться пальцами. Сосед отступил от лестницы, и никто больше не предлагал проверить, кому там холодно.

Телефон щёлкнул и замолчал. Алексей сел у перил с фонарём, пока Ольга подавала световые сигналы медпункту из окна. За нижним стеклом ничего не двигалось, а на металле возле замка появились три свежие полосы.

Вера заметила сигналы и привела Дроздова, которого впустили, осмотрев из окна. Он записывал слова всех, не подсказывая ответов; Павел держал ключи на раскрытой ладони. Алексей слушал знакомые фразы и невольно проверял, одинаково ли люди делают паузы.

Когда они спустились, свет над двором ещё горел. Дроз-

дов приоткрыл внутреннюю дверь, оставив наружную запертой, и все увидели возле насосной медленно идущего человека в защитном костюме с разорванным рукавом. Вера подняла фонарь, а Алексей посмотрел на его рот: теперь ему хотелось видеть, кто собирается заговорить.

Глава 3 Человек из леса

Человек остановился возле насосной и поднял здоровую руку, будто просил не светить ему в глаза. На груди защитного костюма висела перекошенная коробка с погасшим индикатором, прозрачный щиток над лицом был покрыт царапинами. Алексей не сразу понял, что белые полосы идут с внутренней стороны, где до пластика можно было дотянуться только рукой того, кто носил костюм.

Вера потянулась к задвижке, и Дроздов придержал её за локоть. Она посмотрела на его руку и сказала, что незнакомец сейчас упадёт. Участковый вышел первым, попросив Ольгу запереть за ними дверь.

— Не подходите сразу, скажите, кто вы и откуда идёте, — потребовал Дроздов. — Здесь люди пострадали, нам нужно понимать, можно ли вас вообще к ним пускать. Если нужна помощь, фельдшер рядом, только лицо покажите и руки держите так, чтобы я видел.

— Михаил Белов, инженер аварийных систем, комплекс четырнадцать, — ответил незнакомец. — Не ремонтируйте наружные линии, особенно за насосной, и динамики больше не включайте. Вы объявление по улице передавали после перехода или это осталось с запуска?

Вера помогла незнакомцу опуститься на бортик. Он позволил снять щиток, открыв влажные седые волосы и серова-

тое лицо. Прежде чем заговорить, инженер провёл языком по зубам, будто проверял, все ли на месте.

— Громкоговоритель молчит со вчерашнего дня, — сказал Алексей. — Свет в домах мы восстановили, общий ввод отключён, к внешней линии никто не прикасался. А вы сейчас объясните, что значит «после перехода», потому что это не очень похоже на окончание учений.

Белов молчал, пока Вера разрежала повреждённый рукав и снимала мокрую повязку. Он пытался придержать её здоровой рукой, но сестра попросила не мешать. От локтя до запястья тянулся ожог, края которого соединяли тонкие светлые нити.

Он узнал цвет налёта на запасном колесе и почувствовал тошноту прежде, чем понял причину. Нити не лежали поверх кожи, а уходили в неё, натягиваясь при каждом движении Белова. Вера остановила ножницы возле запястья, наклонила фонарь и некоторое время молча смотрела на то, что собиралась перевязать.

— Вы чем это обрабатывали и сколько времени прошло после травмы? — спросила она. — Мне нужна чистая повязка, а не та, которой вы ещё вчера прикрывали руку, здесь уже воспаление. Если под тканью осталось что-то снаружи, скажите сразу, я не хочу разнести это по кабинету.

— Почти сутки, после первого толчка, — ответил Белов. — У меня часы сбились по дороге, я даже не знаю, сколько сейчас. И воду пока не берите из северной ветки, третий ввод

перекройте, иначе насос начнёт рвать подачу.

Алексей показал ему время на телефоне. Инженер поправил часы, потом позволил отвести себя в отдельную комнату при кабинете. Дроздов шёл следом, не давая ему останавливаться возле других людей.

У входа собрались жильцы, увидевшие костюм из окон. Одни спрашивали об эвакуации, другие требовали сказать, чем дышат их дети. Белов вздрогнул и попросил не стоять всем на улице, но в этом услышали очередной приказ с полигона.

— Нам вчера велели оставаться дома, потом посреди дня ночь сделали, — сказала женщина. — Теперь вы хотите, чтобы мы ещё тише разговаривали, пока ваши начальники придумают, что случилось. Вы лучше им позвоните, раз оттуда идёте, у нас телефоны не работают.

В комнате инженер позволил снять верх костюма только после того, как закрыли дверь. Дроздов оставил дежурного не пускать посторонних и забрал удостоверение. Алексей помогал сестре, слыша за стеной насос, в ровную работу которого уже вмешивался короткий удар.

Вера смыла грязь вокруг ожога, но уходившие в кожу нити трогать не стала. Пока она накладывала чистую повязку, Белов смотрел в угол и считал вслух до пяти, сбиваясь каждый раз в одном месте. Алексей решил, что это помогает терпеть боль, потом заметил: инженер начинает заново после короткого стука насоса.

— Вы его сами слышите, — сказал Белов, прежде чем они успели спросить. — Через некоторое время давление упадёт, потом пойдёт обратный подсос из старого коллектора. У вас там задвижка под полом, на третьем вводе, только не пытайтесь запускать всё с одного конца, как делали раньше.

Алексей хотел ответить, что знает местную насосную лучше человека в костюме. Вместо этого открыл кран в коридоре и подставил ладонь. Прохладная вода пахла землёй и воздухом возле обгоревшего электрического контакта.

Он предупредил Веру и нашёл Тамару возле списка принесённых бутылок. Услышав про третий ввод, она сняла очки и спросила, кто помнит эту нумерацию. Новый план показывал две ветки, обе действующие и обе заведомо не там, где лежали трубы.

— Старый обход оставили после ремонта, его собирались заглушить, да так и не собрались, — сказала Тамара. — У меня схема дома лежит, потому что в конторе тогда папку выбросили вместе с отчётами. Подождите здесь, принесу, только без меня люк не открывайте, там лестницы давно нет.

Алексей дождался схемы и взял Павла с инструментами. До насосной дошли по освещённому двору, но у двери фонари заметно потускнели. На влажной сетке ограждения висела светлая пыль, прилипавшая даже к перчатке.

Насос бил неровно, стрелка манометра металась. Тамара держала схему у входа, пока Алексей отключал питание. После остановки в полу продолжались частые удары, похожие

на стук человека по трубе.

— Если он там лежит, ты мне сразу скажи, — попросил Павел, остановившись возле люка. — Я про Бориса, может, машину унесло к трубам и он до подвала добрался. Не надо смотреть на меня так, я тоже понимаю, что это почти невозможно, но просто стоять и слушать не могу.

Алексей направил фонарь в щель, но никого не увидел. Под крышкой нити соединяли бетон с тёплой трубой, не прекращая двигаться на свету. Они стягивались вместе с ударами, будто снизу работал насос, которому не нужно электричество.

Алексей закрепил на ключе длинный вороток, чтобы достать задвижку сверху. Павел держал крышку и следил, чтобы друг не задел нити. Когда задвижка повернулась, снизу донёлся мокрый вдох, и Павел чуть не прищемил ему руку, захлопнув люк.

— Ты слышал, там как будто рот открыли, — сказал он, отступая. — Я инструмент до самого конца видел, он ничего не задел, а звук всё равно был. Лёша, только не говори, что вода выходит, я двадцать лет рядом с трубами работаю.

Алексей проверил крышку и переключил подачу на обходную ветку. Давление перестало прыгать, но даже после исчезновения запаха пить воду никто не хотел. Вера распорядилась отдельно хранить запечатанные бутылки, оставляя запас тем, кому нужно запить лекарство.

— Третий ввод вы назвали правильно, теперь скажите, что

у нас под полом, — потребовал он. — Я чужую проводку не трогаю, как вы просили, воду людям запретил, а дальше мы должны просто выполнять ваши указания. Если это выброс с полигона, нужно знать, какой, потому что рядом с ним сейчас дети спят.

Белов попросил коробку, висевшую у него на груди. Это оказался автономный регистратор в противоударном корпусе, с экраном холодного зелёного цвета. Между столбцами чисел повторялась строка о потере связи с внешними опорными точками.

— Это не выброс, привычной территории вокруг нас больше нет, — сказал инженер, с трудом находя слова. — Установка захватила участок вместе с домами, а удержание пошло уже после аварии. Люди сейчас живут там, где не должны находиться, и я не знаю, сколько будет держаться граница.

Алексей вспомнил фару, повернувшую на прямой дороге, и жилет в резине. На экране красным мигал третий ввод, а запись неисправности предшествовала их проверке. Затем он прочёл «Исходный адрес утрачен», но инженер убрал палец и экран погас.

— Адрес чего именно утрачен? — спросил Алексей, не отводя глаз от корпуса. — Если вы знаете, куда делся город, можно ведь вернуть его обратно, а не чинить по одной трубе. Или вы сейчас показываете нам только то, после чего мы перестанем спрашивать про дорогу?

— Это обозначение привязки, без схемы вам всё равно ничего не объяснит, — ответил Белов. — Я сначала должен понять, какая часть контура ещё отвечает, а потом говорить, что возможно. Пока не выходите в лес и не проверяйте границу машинами, там скорость мешает заметить, куда вы попали.

На третьи сутки темнота начала вызывать злость. Алексей смотрел в окно, ожидая изменения, и видел только отражение кабинета. Ночью не пришёл дождь, не поднялся ветер, не прозвучало сообщений, кроме помех из приёмника.

К утру лекарства разложили на столе так, чтобы их можно было посчитать, не вскрывая упаковок. Вера сверялась со списком больных и каждый раз оставляла палец на одной строке чуть дольше, чем на остальных. Алексей видел, что она не выбирает, кому помочь, а пытается отдалить момент, когда выбирать всё-таки придётся.

— У Ершова после удара голова болит, ему наблюдение нужно, а не только таблетка, — сказала она. — С ингаляторами тоже плохо, к вечеру люди опять начнут искать по квартирам, и я не знаю, где ещё взять. Отправить их в больницу сейчас нельзя, а делать вид, что здесь всё необходимое есть, я не буду.

У магазина очередь появилась раньше Виктора. Люди принесли деньги, карты и пакеты, словно прежние правила всё ещё действовали. Дроздов пришёл с тетрадью для описи, а Алексей ждал возле крыльца, пытаясь понять, кто после

проверки воды поверит Белову.

Виктор пустил по двое, но спор начался сразу. Мужчина требовал четыре упаковки воды для семьи, женщина обвиняла его в желании оставить её ребёнка без питья. Скоро заговорили о чужой зарплате, прежних долгах и праве называться местным.

— Я не могу всем отдать бесплатно, мне тоже завтра что-то покупать, — сказал Виктор, придерживая дверь в подсобку. — У меня поставщики деньги вперёд берут, а вы почему-то решили, что товар я из леса принёс. Воду посчитаем и разделим, только дайте мне сначала понять, сколько людей осталось и кто за ней пришёл второй раз.

— Давай без этого, второй раз сейчас многие пришли, потому что первый ты их не пустил, — ответил Дроздов. — Мы открываем склад, записываем количество и откладываем для медпункта, остальное продаёшь по установленному порядку. Если хочешь, стой рядом и проверяй каждую цифру, я тетрадь не прячу.

Виктор отдал ключ, и Алексей помог отнести первые коробки к прилавку. За мешками с крупой обнаружился ящик питьевой воды, накрытый полотенцем и отставленный отдельно от общей партии. Кто-то увидел его раньше Дроздова и закричал, что хозяин прячет лучший запас, пока люди пьют из заражённых труб.

— Для матери оставил, у неё до аптеки три остановки, она сюда не придёт, — сказал Виктор. — У меня деньги на

это есть, я со своего же товара заплачу, если вам так легче. И полотенце убери с пола, ты его сам бросил, теперь я ещё виноват, что у тебя под ногами лежит.

Мужчина в спортивной шапочке толкнул Виктора, когда тот наклонился за полотенцем. Хозяин ударился о стеллаж, между ними упали банки. Алексей загородил проход, удерживая нападавшего за руку, пока Павел оттаскивал Виктора от полки.

— Отпусти, я ему только объясню, он по-другому не понимает, — говорил мужчина, пытаясь вырвать руку. — У меня вчера дочь воду просила, а он здесь ящики прячет и рассказывает, сколько кому можно. Ты его прикрываешь, потому что он тебе за ремонт должен, я всё слышал ещё до этой вашей аварии.

Алексей отпустил руку, только когда Дроздов встал между ними. Виктор прижимал ладонь к рассечённой губе, но продолжал смотреть на лежавшее полотенце, и это оказалось неприятнее крови. В тот момент Алексей понял, что ещё одна ночь может сделать с людьми то, для чего тёмному лесу даже не понадобится приближаться.

Опись продолжили при открытой двери, воду для матери внесли в общий список. Дроздов не стал никого задерживать, но обещал следующую драку остановить иначе. Извинений не последовало, зато каждый проверял, сколько воды несут у других.

У медпункта участковый остановил Алексея и Павла. Он

посмотрел на закрытую дверь Белова и сказал, что в районе могут вообще не знать о случившемся, если ни одного сообщения передать не удалось. Потом предложил собрать жителей и проверить другой маршрут пешком, по старой трассе к посёлку.

— Машина могла сойти с дороги, там после толчка всё повело, — сказал Дроздов. — Пешие увидят повреждение раньше и назад смогут вернуться, не разгоняясь в темноту. Я не говорю, что Белов врёт, только запасы у нас кончатся раньше, чем мы научимся понимать его регистратор.

Собрание назначили на два часа дня возле освещённого подъезда. Тамара принесла список квартир, Вера записала названия нужных лекарств. Стоя рядом, Алексей чувствовал, как сестра касается его локтя, хотя ничего ему ещё не сказала.

Белов вышел с дежурным, в чужой куртке, с чистой повязкой. У её края белела тонкая линия, и Алексей заметил, что Вера смотрит туда, слушая инженера. Тот говорил негромко, вынуждая людей замолкать, чего не мог добиться Дроздов.

— Поворот на посёлок там был раньше, теперь этого недостаточно, чтобы до него дойти, — сказал он. — Вне удерживаемой части пространства ориентиры не обязаны оставаться на месте, и фонарь не показывает, куда заканчивается дорога. Если вы потеряете друг друга, знакомый голос ещё не будет означать, что зовёт ваш человек.

Кто-то вспомнил звонок Ольге, потом спросил, как сам

инженер дошёл до города. Белов объяснил, что пользовался служебными отметками, некоторые ещё держались. Обратного выхода он уже не нашёл, и Алексей впервые услышал страх, не спрятанный за терминами.

— Значит, люди идти могут, если не лететь по дороге, — сказал Дроздов, прежде чем спор разгорелся снова. — Мы отправим троих, с запасом света, картой и страховкой, только дальше условленной точки сами решать не будут. Я останусь здесь, потому что у нас очередь, медпункт и дежурные, и без человека, который всё это держит вместе, будет хуже.

Вера сказала, что тоже останется, и Алексей невольно выдохнул. Сестра заметила это, но лишь объяснила, что Люда живёт за городской границей и так и не дошла до них. Заменить фельдшера человеком, умеющим наклеить пластырь, никто не предложил.

По именам выбирать не захотели: одного ждала больная жена, другого обвиняли, что он всегда первым требует помощи. Дроздов предложил добровольный список знающих дорогу и жребий на первую тройку. Слово «первую» Алексею не понравилось: за ним уже стояли следующие люди.

Павел записался шестым, объяснив, что знает трассу и без машины пригодится не меньше других. Алексей посмотрел на имя друга и назвал своё. Вера убрала руку с его локтя, будто прикосновение стало чем-то непозволительным.

— Ты потому идёшь, что умеешь, или потому что Пашка в списке? — спросила она тихо. — Просто скажи мне сейчас,

я не стану тебя при всех уговаривать и слушать, как ты обещаешь не делать ничего опасного. У тебя после той машины руки до вечера дрожали, я ведь заметила.

— Потому что дорогу знаю, и потому что он там, — ответил Алексей. — Мы со страховкой работать умеем, я не хочу, чтобы её первый раз держали люди, которым сейчас страшно даже соседа спросить. А обещать, что ничего опасного не будет, я не собираюсь, иначе вообще незачем выходить.

Последним записался Виктор, державший салфетку возле губы. На смешки он ответил молчанием и лишь потом попросил добавить имя. Алексей не понял, возвращает он уважение или ищет место, где на него перестанут смотреть так, как возле склада.

Тамара нарезала одинаковые прямоугольники, Дроздов написал имена, показывая каждое людям. Бумажки перемешали в банке из-под чая и попросили тянуть Валентину Николаевну. Она сказала, что руки не слушаются, но Тамара придвинула банку ближе.

Первым назвали Павла, и за спиной Алексея Ольга втянула воздух. Вторым оказался Виктор, который сразу перестал прижимать салфетку к губе. Третью бумажку Валентина долго разворачивала, потом передала Дроздову, хотя Алексей уже знал, что услышит.

Участковый произнёс его имя без торжественности, как отмечал прежде неисправные двери в протоколе осмотра. Вера посмотрела на раскрытую банку, а Павел коротко кос-

нулся плеча друга, не пытаясь улыбнуться. Остальные бумажки так и остались внутри, и Алексей почему-то не мог перестать думать, как легко теперь было взять другую.

Выход назначили на следующее утро, чтобы проверить снаряжение и поспать. Дежурных на трассе сменяли парами, жителей просили не идти на одиночные голоса. Теперь при расставании спрашивали не о конце учений, а о батарейках и ещё одной верёвке.

Тамара разложила перед ними старую карту, прижав углы стаканами. Бумага ломалась на сгибах, но трасса на ней была прямая, и это простое обстоятельство показалось Алексею почти оскорбительным. Внизу стояла подпись диспетчера, давно умершего, рядом маленьким ровным почерком были вписаны расстояния между столбами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.